

Ethnicity and the problem of the unconscious
Japarov D
Этнос и проблемы бессознательного
Жапаров Д.

*Жапаров Дурболон / Japarov Durbolon - кандидат философских наук, профессор,
Кыргызский государственный университет культуры и искусства имени Б. Бейшеналиевой,
президент,
общественная академия ученых Кыргызской Республики,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: в работе делается попытка постичь глубинные пласты души этноса, выдвигаются некоторые гипотезы относительно индивидуального и коллективного бессознательного в пределах самосознания этноса.

Abstract: the article attempts to understand the deep layers of ethnic soul, put forward some hypotheses about the individual and collective unconscious within consciousness of the ethnos.

Ключевые слова: душа, этнос, социальное, этничность, архетип, сознательное, этнобытие-синтез.

Keywords: soul, ethnic, social, ethnicity, archetype, conscious, ethnogenesis-synthesis-synthesis.

УДК 390:156,4

Этнос перестает существовать лишь тогда, когда устает его душа. Именно она удерживает в себе все то, что составляет затем сущность этноса. Дело в том, что река социальной жизни этноса, то разливаясь, то убывая, неизменно протекает через его душу, и она сама бессознательно придает ей свою форму и содержание. Душа – единственная этническая субстанция, которая почти не поддается мощному напору социального. Душа есть сам источник и обиталище этничности. Она, этничность, проявляет себя произвольно, даже через несколько поколений, когда внешне можно предположить, что она уже «угасла», «растворилась». В реальной жизни зачастую оказывается, что этничность неуничтожима, обладает способностью к возрождению, она всегда стремится к своим первоисточникам или первичным образам.

Подобное парадоксальное поведение этничности отмечал и Генеральный консул Израиля в бывшем СССР А. Левин, что есть «множество молодых людей, родившихся уже в Израиле, чьи родители родом из России. Так вот эти молодые люди стремятся приехать на родину своих предков иногда гораздо сильнее, чем те, кто в ней прожил часть своей жизни» [1].

Исходя из данного примера, можно предположить, что существует архетип этничности, который вездесущ, он настигает этночеловека даже в чужой среде, определяя его тип поведения. Кроме того, этничность в цивилизованном мире находится постоянно как бы в подвешенном состоянии из-за *nocturn vacuum* [2]. Стабильность такого состояния порождает в представителях этноса импульс к сохранению идентичности. На эту особенность этничности указывает также историк Русского Зарубежья Марк Раев. Он пишет: «...следует отметить обстоятельство, которое говорит больше, чем всякие социологические, экономические и культурологические данные: эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь. Даже попав в чуждое окружение, они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали» [3].

Первичные или изначальные образы этничности всегда недостижимы, идеальны, хотя их содержания существуют в сознании этноса в форме припоминания его прошлого опыта. Они обладают свойством материализовать себя самих в реальных традициях, обычаях, ритуалах, передают им свое содержание. Однако сведение этничности к совокупности этих символов может привести к познавательному тупику исследователя, поскольку они на каком-то этапе жизни этноса уходят в небытие, на смену им приходят другие. Правда, это явление само по себе универсальное, но у каждого народа есть в этом плане свой час смены внешних атрибутов этничности, который может «пробить» лишь при наличии ряда условий.

В работе «География этноса в исторический период» Л.Н.Гумилев подчеркивает несовместимость различных этнических архетипов, ссылаясь на исторический факт: «Когда испанцы попали в Америку, то они ацтеков, инков, муисков, всех вождей индейских племен зачисляли в идалго, давали им титул «дон», женились на индейских красавицах, породили огромное количество метисов и считали, что испанский язык, католическая вера, единая культура, единая социальная общность обеспечивали единство империи. Однако умозрительное заблуждение в начале XIX века обернулось в свое время небывалой резней» [4].

Однако исследование этничности безотносительно к понятию бессознательного было бы неполным, потому что именно поведенческие процессы этничности придают дополнительному понятию бессознательного статус реальности.

Если это так, то мы в дальнейшем вынуждены будем оперировать понятием бессознательного, что налагает на нас определение его содержания. Для этой цели мы выбираем самый кратчайший путь к пониманию того, что такое бессознательное - исходим от противоположного, т.е. прежде выясним то, что понимается под сознательным. Все эти вопросы в действительности входят в компетенцию гносеологии этноса. Поэтому наши рассуждения о бессознательном опосредованно или непосредственно все равно будут затрагивать познавательные вопросы этноса.

Фрейд в работе «Замечание о бессознательном в психоанализе» заявляет: «...мы называем «сознательным» то представление, которое существует в нашем сознании, и которое мы воспринимаем как таковое, и утверждаем, что именно в этом заключается единственный смысл термина «сознательный» [5]. Трудно не согласиться с мнением Э. Б. Финкельштейна о том, что «обсуждение проблемы бессознательного всегда сталкивается с трудным вопросом о взаимоотношении сознательного и бессознательного» [6]. Дело в том, что почти невозможно установить некую демаркационную линию между ними, поскольку они взаимно переходят друг в друга, порой отчуждаются друг от друга, составляя единое целое в сфере сознания.

Сознательное и бессознательное есть различные состояния сознания этноса. Этнос не может постоянно пребывать в состоянии сознательности, он, как и всякий человек чаще склоняется к бессознательному, где работает его душа без особых усилий. В этом состоянии происходит слияние этноса с собственной природой, он остается с самим собой. В противоположность психологическому пониманию сознательного Фрейдом существует еще философское объяснение данного явления. Сознательное в философском смысле есть антитезис бессознательного, то, что не есть бессознательное. По мнению К. Юнга, бессознательное проявляет себя в двух формах: индивидуальной и коллективной. Личное бессознательное «складывается, по существу, из содержаний, которые одно время были сознательными, а затем исчезли из сознания в результате забывания или вытеснения, содержания коллективного бессознательного никогда не находились в сознании и, таким образом, никогда не приобретались индивидуально, но обязаны своим существованием исключительно наследственности. Тогда как личное бессознательное состоит большей частью из комплексов, содержание коллективного бессознательного составляют, по существу, архетипы» [7].

В сфере душевной жизни этноса присутствуют обе эти формы бессознательного. Они зачастую перекрывают друг друга, принимая ту форму поведения, которая соответствует определенному архетипу этничности. Проникая в этнос, он из хаоса вызывает бесформенное социобиологическое сообщество людей, имеющих всего лишь общность происхождения, к идее целостности и внедряет в сознание его членов определенные символы, которые лягут потом в основу конкретного типа поведения.

Архетип этничности – это изначальный поиск собственного происхождения, который детерминирует форму проявления коллективного бессознательного на уровне этноса или тип поведения личного бессознательного этночеловека.

Именно бессознательное связывает личность с этносом, толкает на постоянный поиск, как мы уже говорили, собственного исторического корня в любой ситуации. Сознательная жизнь затемняет непрерывный поток бессознательного как движения души по инерции.

Один мой дальний родственник, который давно живет в России, рассказывал мне о том, как хотел «уйти» от своего этноса насовсем, поскольку он уже обрусел, жена русская, языка исторически своего народа не знает давно, духовно и по психологии ничем не отличается от русских. Дети пишутся русскими. Но мой собеседник сетовал на то, что его все равно никак не принимают русские за своего, каждый раз, бессознательно напоминая ему, что он чужак.

Безусловно, мой родственник не мог знать, что это в нем самом время от времени «звонит колокол - зов родной крови», мы бы назвали его тоже архетипом, но архетипом этничности. Именно эта внутренняя «мета» не дает ему покоя, привлекает внимание окружающих своим поведением, что он не такой, как они.

Отсюда можно предположить, что архетип этничности есть предшествующий тип поведения, который находится за порогом сознания, являясь неизменной постоянной величиной. Именно данное архетипическое проявление конструирует «бессознательный жизненный план», при помощи которого создается некий защитный психологический щит для сохранения этнической идентичности.

Этничность предшествует самому этносу подобно тому, что качественная определенность любой вещи, или совокупность ее свойств возникает раньше, чем сама вещь как целое. Не этнос сам по себе, а его этничность есть активное начало: оно придает этносу свою форму и содержание. Поэтому этничность свое содержание созидает сама, когда она выражает себя как реализованное бытие, как «тип общих поведенческих характеристик» [8].

Исследователи С. Чешко и В. Тишков в какой-то степени близко подошли к правильному определению природы этничности, назвав ее иррациональным феноменом [9]. Или другой исследователь В. Козлов указывает на «несомненную связь «этничности» с генетической «стадностью» людей, с важностью для них родственных связей и обусловленного ими принципа взаимопомощи при решении задач жизнеобеспечения» [10].

Американский специалист по вопросам этничности и национализма Томас Эрикссон пишет, что «на уровне самосознания национальная принадлежность – это вопрос веры...» [11].

При всей пестроте определений одно лишь бесспорно, что поиск сущности феномена этничности идет по правильному пути – на пути к освобождению от влияния вульгарного материалистического учения об этносе.

Архетип этничности у любого народа неповторим, он сидит очень глубоко под экзистенциальным слоем, проявляет себя спонтанно, но в поведении этночеловека.

Не этночеловек, а этничность, став второй природой человека, управляет им в дальнейшем.

«...Эскимосы реки Коппер приветствуют чужеземцев ударом кулака по голове Или по плечам, а жители северо-западных районов Амазонки хлопают друг друга по спине в знак приветствия. Полинезийцы обнимаются и потирают друг другу спину; южноамериканские испанцы (мужчины) приветствуют друг друга стереотипным объятием: голова над правым плечом партнера. Три хлопка по спине, голова над левым плечом партнера, еще три хлопка. Двое курдов при встрече хватают друг друга за правую руку, поднимают руки, не разжимая их и попеременно целуют друг другу руки. Андаманцы садятся друг другу на колени в знак приветствия, обнимаются за шею и при этом плачут; так приветствуют друг друга братья, отец и сын, мать и дочь, муж и жена и даже друзья; интересно, что при этом муж садится на колени жены. Прощальное приветствие у андаманцев состоит в том, что они подносят руку партнера ко рту и тихонько дуют на нее» [12].

При всей внутренней отчуждаемости от социального этничность зачастую идет на «компромисс» с ним, составляя единое целое лишь в пределах поведенческих актов как вынужденный шаг. Но внешне она социальное преподносит, как неотъемлемую часть собственной души. В подобных ситуациях этничность раздваивает себя бессознательно, против собственной природы, выдвигая социальное на передний план. Это конкретно выражается в специфической форме японского невербального приветствия - поклоне, когда встречающиеся «...сгибаются пополам, застывают на месте и опускают головы. Потом украдкой бросают взгляд, чтобы обоим выпрямиться одновременно. Тот, кто опережает другого, - мужлан. Но прежде всего надо уметь оценить своего визави. Есть три возможности: он может быть выше вас, ниже или равен по рангу – в зависимости от возраста, родословной, состояния, родственных связей, служебного положения и многих других обстоятельств, и все их надо быстро принять во внимание» [13].

Пока наука по этносу не может дать вразумительного ответа на вопрос о том, как образуется из множества этнолюдей при наличии их неповторимых, даже порой противоположных индивидуальных особенностей метастабильная гиперличность этноса.

Вместе с тем хотим предложить свою гипотезу о правомерности существования гиперличности этноса.

А) Этногипербытие или этнобытие-синтез. Данное понятие вводится для исследования общего механизма формирования и существования этноса как целого, для изживания вульгарного подхода, при котором этнос понимается как продукт только объективных условий его жизни.

Этногипербытие как понятие включает в себя объективные условия и субъективные факторы существования этноса как целого в диалектическом единстве.

Одинаковость национального бытия, образа жизни, географических условий и биологической общности порождает одинаковые взгляды, привычки, представления, психологию и культурные ценности, вследствие которых создаются основные предпосылки образования гиперличности этноса.

Однако гиперличность этноса создается и не субъективно, и не объективно, а только трансцендентальным образом, в котором и то, и другое присутствует в переплавленном состоянии.

Б) Этнос как общее есть реально значимая субъективная реальность. Общее является символом или образом этногипербытия. В действительности этногипербытие выражает себя через понятие «общее». Поэтому этнос как общее лишен материальности и индивидуальности. Этнос как общее есть логическое понятие, посредством которого он «добывает» свое единство и целостность, суждено ему быть познанным им в самом себе и для себя. Оно не отражает определенных конкретных особенностей личностей, тем более не фиксирует сходных или отличительных черт между ними. Этнос как общее достигает единства объективного и субъективного в своем развертывании, ибо только оно, общее, абсолютно свободно от эмпирической данности.

Литература

1. Аргументы и факты. -1991. -№26.
2. Боязнь пустоты (лат. - перев.)
3. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. // Прогресс-Академия. - Москва, 1994. - С. 16-17.
4. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. - Москва, 1995. -С. 18.
5. Freud S. Gesammelte Werke. 1967. Bd.8, s.431.
6. Финкельштейн Э. Б. Проблема бессознательного и фундаментальные принципы физики. Бессознательное. Сб.статей. // - Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. -С. 93.
7. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. // Университетская книга, АСТ Санкт-Петербург-Москва, 1997. -С.60.
8. Abruzzi W. S. Ecological Theory and Ethnic Differentiation among Human Populations. - Current Anthropology, 1981, vol.23, №1, p.16.
9. Чешко С. В. Человек и этничность. // Этнографическое обозрение, 1994. -№ 6, с. 24-28
10. Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм.//Свободная мысль, 1996.-№ 6.-С. 106.
11. Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism//Anthropological Perspective.-London, 1993.-P. 105.
12. La Barre W. Paralinguistics kinesics and cultural anthropology.//Approaches to Semiotics. - London-Paris, 1964. - P.15.
13. Шабраль Ж. П. Миллионы, миллионы японцев... - Москва, 1971. -С. 73-74.